

Примечание переводчика:

Существуют две версии книги "14-й год правления императора Чэнхуа": электронная и печатная.

Включая экстры, в электронной версии 169 глав, а в печатной 62.

Я переводила ЭЛЕКТРОННУЮ не зацензуренную версию!

Печатная версия отличается тем, что:

- 1) Она зацензуренная, вместо bl в ней броманс.
- 2) В ней нет некоторых арок (например, точно нет арки про поездку к сестре, и вообще сестра ТФ в сюжете отсутствует)
- 3) Главы из электронной версии объединены в более большие, за счет чего нумерация тоже меняется
- 4) Скорее всего исправлены опечатки и неточности (возможно - я не вдавалась в подробности)
- 5) Отсутствуют экстры из электронной версии. Зато есть дополнительная экстра "Поездка в Цзяннань", которой нет в электронной версии! И эти экстры разные!!!

Эту экстру из печатной версии я сейчас и перевожу. Для удобства разбила ее на три части. Она мне нравится, поэтому я записала ее в начало экстр, чтобы поднять себе настроение перед экстрадами, которые мне не нравятся.

Экстры из электронной версии я тоже буду переводить, но после "Поездки в Цзяннань". Изменится только их нумерация. То есть экстра 1, которая была в электронной версии 152 главой, у меня станет экстрой 4 под номером 155, потому что перед ней я записала 3 экстры-главы из печатной версии! Больше ничего я не меняла!

Соответственно экстр будет всего: 3 (из печатки) + 18 (из электронки) = 21 штука!

Я ничего не цензую и не меняю текст в угоду своим хотелкам!

С восшествия на престол нового императора не прошло и двух лет, как империя, подобно повозке, что должна была вот-вот свернуть в колею, но все же возвратилась на хорошую дорогу, благодаря усилиям стольких людей продолжила процветать, оставив все невзгоды позади в облаке пыли.

Шла весна второго года правления императора Хунчжи.

Накрапывал мелкий дождик. Совсем не сильный – как в стихе: “Дождь в сезон цветения абрикосов капает, будто только и жаждет намочить одежду” (Сэн Чжинань “Оборванные строфы”).

После прогулки под таким волосы и одежда покрываются маленькими невесомыми

капельками, которые можно легко стряхнуть, не дав впитаться в ткань.

В небольшой пришвартованной к берегу лодке стояло деревянное кресло с откидной спинкой, на котором полулежал человек. Нижнюю часть кресла крыша от лодки не прикрывала, и ноги человека оказались под морозящим дождем.

Но то ли дождик был слишком слабым, то ли сон человеку снился уж больно сладкий – тот оставался неподвижен, несмотря на падающие с небес капли.

Ветви абрикосового дерева свешивались с берега на дно носовой части лодки, почти касаясь колен мужчины. Подул легкий ветерок, и цветущие ветви задрожали, готовые вот-вот уронить скопившиеся на них капли влаги.

Но их остановила чья-то рука.

Вернее, рука эта прикрыла колено мужчины, и каплям воды с лепестков ничего не оставалось, как упасть на тыльную сторону ее ладони.

Обладатель мокрой руки, не обратив на них никакого внимания, похлопал мужчину по колену.

— Чего лежишь под дождем?

Сладко спавший мужчина наконец пошевелился, из-за чего лежавшая на его лице книга тотчас соскользнула вниз, открывая прекрасный сонный лик.

— Дождь идет? – растерянно пробормотал Тан Фань, подняв глаза к небу. – Почему ты так рано вернулся?

Наклонившись, Суй Чжоу зашел под крышу лодки и сел:

— Четыре часа прошло.

— А где Лао Янь с Лао Паном? – спросил Тан Фань.

— Отправились в город за покупками. Кажется, ты не особо горишь желанием трогаться сегодня в путь?

Тан Фань потер кончик своего носа:

— Все равно дождь идет. Поговорим об этом завтра.

— Господин первый министр планирует потратить с таким трудом заработанный отпуск на то, чтобы просто лежать и кормить комаров в Янчжоу? – беспомощно отозвался Суй Чжоу.

А работы у Тан Фаня было много. Учитывая его нынешний статус, через руки его проходило бессчетное количество дел, и времени на путешествия и любования видами совсем не оставалось. Однако накануне Цинмина (праздник чистого света, день поминовения усопших, где-то в 4-6 числах апреля) император сжалился над Тан Фанем из-за того, что тот столько лет не бывал на малой родине, и предоставил ему отпуск, чтобы тот мог навестить могилы предков в родном городе.

Как первый министр Кабинета фигурой Тан Фань был, без сомнения, важной. Цзяннань располагалась в тысячах ли от столицы, и император не мог позволить ему проделать весь этот

путь в одиночку, а потому отправил с ним людей из Императорской Стражи, чтобы те сопровождали и защищали Тан Фаня на протяжении всего пути на юг, и во что бы то ни стало вернули господина первого министра обратно в целостности и сохранности.

Было вполне закономерно, что человека со статусом Тан Фаня охраняли Янь Ли с Пан Ци, получившие повышение до главы Двора и цзяньху соответственно. А вот к присутствию в сопровождающем отряде самого главы Императорской Стражи, командующего Суя, имелись некоторые вопросы. Кажется, поручение было лишь прикрытием, и командующий Суй отправился в Цзяннань просто поразвлечься.

Услышав эти слова, Тан Фань сухо рассмеялся:

— Я уже много лет не был дома. Прошлой ночью мне приснился отец. Он тыкал в меня пальцем и отчитывал за отсутствие всякого почтения к предкам!

— Ты просто боишься возвращаться в родной город.

Суй Чжоу попал в точку. Поняв, что отвертеться не получится, Тан Фань несколько сконфузился и смутился:

— Да понял я, понял! Завтра отплываем!

Следующий день выдался солнечным. Нежный ветерок обдувал лицо, по водной глади плыли белые облака. От Янчжоу до Чжэньцзяна было рукой подать. Лодка спустилась до него по реке в считанные часы. Сойдя на берег, Тан Фань отправился не на почтовую станцию, а на постоялый двор.

В отличие от роскошного, яркого и шумного Янчжоу, Чжэньцзян хранил в себе истинное очарование Цзяннани. Казалось, здесь даже кирпичи с черепицей были пропитаны спокойствием и умиротворением. Прогулка по этому городу приносила мир в сердце.

А малая родина его самого близкого друга была поистине живописным местом, питающим ум и душу – стоило Суй Чжоу подумать об этом, как на сердце у него потеплело.

Во время путешествия Тан Фань стремился не столько любоваться пейзажами, сколько побольше разузнать о жизни, настроениях и чаяниях народа, а потому местные власти о своем прибытии они не извещали. И этот город не стал исключением.

Несмотря на то, что облачена их группа была лишь в простые хлопковые платья, без единой нити шелка, манеры их было не скрыть.

Из всей компании Тан Фань больше всех соответствовал эстетике Цзяннани, места, где процветала литература. Его черные волосы были аккуратно собраны в пучок с помощью простой деревянной шпильки, без всяких сложных заколок или популярных в то время тканевых шапочек. Облачен он был в длинное прямое платье-чжидо цвета полумесяца с подвеской из нефрита на поясе и черные мягкие ботинки – классический и весьма распространенный в Цзяннани образ ученого на нем смотрелся свежо и весьма привлекательно.

Девушки в Цзяннани были довольно сдержанны, но при всей своей сдержанности умели

выражать нежные чувства одними глазами, что прекрасно демонстрировали их частые взгляды на Тан Фаня.

— И почему кому-то все, а кому-то ничего? – вздохнул Янь Ли. – Мы все тут одеты в чжидо, так почему все смотрят только на господина?!

— Старина Янь, – усмехнулся Пан Ци, – куда тебе с господином соперничать? Сначала лицо свое угольное выбели!

— Таких, как господин, называют элегантными красавцами, а таких, как я, необыкновенными героями, – запротестовал Янь Ли. – У каждого свои достоинства! Просто эти женщины ничего не понимают!

— Старина Янь, – рассмеялся Тан Фань, – большинству женщин в Цзяннани нравятся элегантные благородные мужи. Если хочешь закрутить роман, тебе на границу надо. Женщины там оценят твой стиль!

— За нами кто-то следит, – вдруг произнес Суй Чжоу.

Пан Ци с Янь Ли на мгновение опешили, а затем тоже ощутили чей-то взгляд.

Тан Фань ничего не почувствовал, но раз так сказал сам глава Императорской Стражи, значит, так оно и было.

Но, если задуматься, все это казалось несколько странным. Они прибыли в Чжэньцзян только для того, чтобы поклониться могилам родителей Тан Фаня. Обвинений против них никто не выдвигал, да и расследовать они ничего не собирались, так с какой целью за ними шпионили?

Их группа молча прошла до конца улицы, обойдя почти все самые известные достопримечательности Чжэньцзяна. И на протяжении всей дороги кто-то продолжал упорно следить за ними. Господина Тана преследователи не сильно заботили: он был из тех, кто, даже если Небеса будут рушиться, просто поплотнее укутается в одеяло. На протяжении всего пути он ел и набирал полные руки всяких вкусностей, пока Суй Чжоу с остальными, беспокоясь о его безопасности, пытались убедить его вернуться на постоянный двор. Пришли в предвкушении – ушли ни с чем.

Стоило им вернуться на постоянный двор, как Пан Ци куда-то незаметно исчез.

Ночью из сладкого сна Тан Фаня вырвал чей-то плач.

Как бы мягка ни была постель, Тан Фань вдруг вспомнил ту ужасающую ночь у реки Лохэ в Хэнани с призрачным плачем, когда они нашли под гробницей императора Сун еще одну древнюю гробницу, имеющую выход к Лохэ...

Открыв глаза, Тан Фань встал с кровати и оделся.

Плач доносился из окна, причем довольно отчетливо в ночной тиши. То высокий, то низкий – будто женщина плакала по тому, кто разбил ей сердце. И обида ее вылилась в настолько скорбные рыдания, что аж мурашки по спине бежали.

Шаг за шагом Тан Фань подошел к подоконнику и медленно протянул руку.

Окно на постоялом дворе оказалось довольно ветхим и от легкого толчка заскрипело – вышло довольно резко.

Тан Фань замер и прислушался. Плач внезапно прекратился.

Нахмурившись, он собирался было закрыть окно, как вдруг перед глазами блеснула яркая вспышка. Настолько быстрая, что он даже разглядеть ничего не успел, лишь ощутил, как лицо лизнул порыв холодного ветра!

Тан Фань инстинктивно попятился, однако противник оказался быстрее.

Как раз в тот момент, когда ледяной порыв должен был коснуться его кожи, откуда ни возьмись появился длинный клинок, напоминавший по виду полутораручный меч, и остановил нападавшего!

Клинки со звоном встретились.

В маленькой комнатке вдруг развязалась битва.

Тан Фань отступил в угол, стараясь освободить дерущимся как можно больше места.

Однако продлился бой недолго. Даже будучи незнаком с боевыми искусствами, Тан Фань видел, что, хоть Суй Чжоу и замедлился из-за необходимости отразить первый удар противника, тот все равно был ему не ровня.

И нападавший явно это понимал. Сделав ложный выпад, он развернулся и бросился к окну. Двигался он быстро, как ветер, и в мгновение ока его черная тень скрылась из виду.

Суй Чжоу мог бы кинуться за ним следом, но даже с места не сдвинулся, позволив ему уйти. Тан Фань тоже выглядел спокойным, будто покушение, с которым он только что столкнулся, было чем-то настолько незначительным, как досадный маленький камешек в тарелке с едой. У него даже остались силы, чтобы подшутить над Суй Чжоу:

— Гляди, ты его так напугал, что он дал стрекача!

Суй Чжоу разгладил складки на одежде. Все это время он дремал на кровати у стенки. Тан Фань спал крепким безмятежным сном, а он должен был оставаться начеку, дожидаясь чего-то вроде того, что только что произошло.

— Его целью было не убийство. Скорее всего, он хотел просто тебя напугать.

Тан Фань не знал, смеяться ему или плакать. Все это было странным от начала и до конца. Он больше десяти лет дома не бывал, а о своем возвращении даже местных властей не предупредил. Они планировали тихо преклонить колени перед могилами и уехать, как вдруг произошло нечто совершенно необъяснимое.

— Старина Пан куда-то ходил сегодня днем. Ему удалось что-то разузнать?

— Наши противники – бродячие мастера боевых искусств из чжэньцзянской Зеленой банды, – ответил Суй Чжоу. – Их главарь Ху Сяньи всегда был в хороших отношениях с властями, и

никаких преступлений за ним не числится.

— Тогда зачем к нам явились? – удивился Тан Фань.

Суй Чжоу покачал головой. Он тоже не знал ответа:

— Старина Пан связался с местным военным подразделением и сообщит, если что-то прояснится.

— Раз он ушел, вернемся в кровать, – лениво потянулся Тан Фань. – До рассвета еще долго.

— Ты по-прежнему хочешь остаться здесь? – нахмурился Суй Чжоу.

— Ну если они не хотят нас убивать, то стоит затаиться и узнать, чего же им надо, – улыбнулся Тан Фань.

Всегда решительный и вселяющий в сердца страх командующий Суй, когда дело касалось его самого близкого друга, с которым они были неразлучны день и ночь, всегда терялся, о чем теперь свидетельствовало его безмолвное выражение лица.

Каково же было их удивление, когда рано поутру от Зеленой банды прибыл посыльный с письмом и щедрыми дарами. Письмо было написано лично их главарем, а доставлено его заместителем. В нем они просили у Тан Фаня прощения, ссылаясь на то, что произошедшее ночью было лишь недоразумением: они приняли Его Превосходительство за другого человека и очень в этом раскаивались.

К посланию прилагались серебряные банкноты общей стоимостью в двести таэлей.

Сумма немалая.

Зеленая банда была гегемоном Цзяннани, однако Тан Фань скрывал свою настоящую личность и оставался для них обычным человеком. Даже если действительно произошло недоразумение, и они напугали Тан Фаня, спутав с кем-то другим, зачем разводить столько церемоний?

Объяснение этому могло быть лишь одно: Зеленая банда узнала, кем был Суй Чжоу, по его позолоченной сабле.

Как бы могущественна ни была Зеленая банда, с Императорской Стражей она тягаться не смела.

В письме они явно этого не указали, а Суй Чжоу не желал с ними связываться. Тан Фань тоже не хотел их видеть, а потому попросил Пан Ци переговорить с заместителем их главаря, после чего принял послание, а банкноты вернул.

Когда посыльный ушел, Пан Ци вручил Тан Фаню письмо.

Внимательно изучив его содержимое, тот с улыбкой передал его Суй Чжоу:

— Написано искренне, но стиль довольно низкий. Почти уверен, что они раскрыли ваши личности!

Пробежав по письму глазами, Суй Чжоу нахмурил брови:

— Они за нами вчера весь день следили. И не стали бы ночью соваться, если бы действительно спутали тебя с кем-то другим.

— Но если они не приняли меня за другого, то откуда такие перемены? Сначала напали, а теперь вдруг столь вежливыми стали! Но раз уж извинились, то, должно быть, хотят сгладить ситуацию. Не стоит о них беспокоиться. Проблемы следует решать по мере их наступления.

Суй Чжоу глядел на его улыбку, и брови его немного разгладились:

— С тех пор как покинул столицу, твое настроение лучше день ото дня.

— Конечно, ведь мне не нужно с утра до ночи разгребать горы официальных бумаг.

Тан Фань говорил легко и непринужденно, но Суй Чжоу не мог избавиться от горького чувства сожаления, вспомнив о том, как в столице тот всегда уходил рано поутру и возвращался поздно вечером, ужасно уставший.

На этом дело и кончилось. После того как Зеленая банда принесла свои извинения, за ними больше никто не следил. Пан Ци порасспрашивал о Зеленой банде в местном представительстве Императорской Стражи, а заодно о настроениях и жизни народа в Чжэньцзяне, а после доложил обо всем Тан Фаню – они всегда так делали, когда прибывали в новый город. Надолго Тан Фань нигде не задерживался, а потому, если бы и захотел выяснить, как живется провинциальным чиновникам и простому люду, всего за несколько дней ничего бы разузнать не успел, так что специализирующаяся на разведке Императорская Стража была сейчас весьма кстати.

Чжэньцзян был меньше Янчжоу, но, как бы мал ни был, по-прежнему оставался отдельной префектурой, поскольку располагался на богатых землях Цзяннани, и, в отличие от оживленного Янчжоу, оставался тихим и изысканным местечком.

Янчжоу с Чжэньцзяном были как благородная дама из знатной семьи с юной хорошенькой небогатой барышней – тут уж кому что нравится.

Правительство префектуры Чжэньцзян располагалось в округе Даньту, магистратом которого на протяжении вот уже пяти лет был Жэнь Хэсюань. Говорили, что репутацией в официальных кругах он пользовался хорошей. Тан Фань с остальными прибыли в Чжэньцзян всего несколько дней назад, но от завсегдатаев местных ресторанчиков уже успели услышать немало историй о раскрытых магистратом Жэнем преступлениях.

— Окружной магистрат сдал императорский экзамен в одиннадцатый год правления императора Чэнхуа? – удивился Тан Фань. – Как и я. Но почему я его не запомнил?

В данный момент они направлялись в пригород. Родители Тан Фаня были похоронены за чертой города Чжэньцзян. За могилами их на протяжении всех этих лет ухаживал их старый слуга. Лишь благодаря ему могилы четы Тан не остались заброшены и всеми забыты.

— Жэнь Хэсюань вошел в третий ранг, – ответил Пан Ци.

Сдавшие императорский экзамен делились на три ранга. В первый ранг входили лишь трое

победителей, а количество экзаменуемых во втором и третьем ранге могло варьироваться, но, очевидно, что попавшие в третий ранг были не так хороши, как те, что из второго. У многих из них не было и шанса занять должность при центральном правительстве, а потому они разъезжались по провинциям в качестве местных чиновников, где лишь от их удачи зависело, до какого ранга они дослужатся.

Этому окружному магистрату Жэню явно не везло. Он сдал императорский экзамен в тот же год, что и Тан Фань, но последний сейчас был первым министром Кабинета, а Жэнь Хэсюань лишь скромным окружным магистратом. Кажется, его официальная карьера не задалась.

— Если он действительно порядочный чиновник, заботящийся о благе народа, то нельзя здесь такой талант хоронить, – заметил Тан Фань.

С его нынешним положением помочь кому-то было раз плюнуть. А Тан Фань никогда не забывал своих слов. Пан Ци знал это и мысленно сделал себе пометку по возвращении организовать его встречу с окружным магистратом.

Весна в апреле уже давно вступила в свои права, но после дождя по-прежнему оставалось немного прохладно.

По одной дороге с ними шли толпы людей. Одни, так же, как и они, хотели навестить могилы, а другие просто гуляли.

В это время года даже барышни из зажиточных семей, что никогда не покидали своих будуаров, прогуливались в экипажах вместе со своими семьями.

Благодаря своему выдающемуся внешнему виду Тан Фань с товарищами по пути ловили немало заинтересованных взглядов. Слуги из многих состоятельных семей, в которых, вероятно, были достигшие брачного возраста дочери, по приказу своих хозяев подходили к ним, чтобы засвидетельствовать свое почтение и разузнать о происхождении Тан Фаня и остальных.

Но каждый раз, стоило им только услышать, что те неместные и прибыли лишь для того, чтобы отдать дань почтения предкам, как на лицах их отражалось разочарование.

Суй Чжоу с Пан Ци – еще ладно, но вот столь благовоспитанный, элегантный и привлекательный молодой ученый, как Тан Фань, происходивший из обеспеченной семьи и получивший блестящее образование, был просто идеальным кандидатом на роль зятя. Неудивительно, что все были так разочарованы.

Пан Ци хотел было отпустить какую-то шутку, но, заметив серьезные выражения на лицах Тан Фаня с Суй Чжоу, был вынужден проглотить чуть было не сорвавшиеся с языка слова.

При жизни отца Тан Фаня семья Тан была довольно состоятельной и могла позволить себе купить большое кладбище на окраине Чжэньцзяна. С годами количество могил вокруг него увеличилось, но, поскольку местность эта была живописной с прекрасным фэншуйем, большинство похороненных тут людей были чиновниками или аристократами.

Тан Фань не был здесь больше десяти лет. Он помнил дорогу, однако местность за столько лет, должно быть, сильно изменилась. Спешившись на почтовой станции, они начали взбираться на холм, то и дело останавливаясь, чтобы Тан Фань мог вспомнить, куда дальше идти. Спусти

почти час он наконец произнес:

— Это должно быть здесь.

В месте, на которое он указывал, собралось несколько человек, которые, казалось, о чем-то оживленно спорили.

Вернее, какой-то старик спорил с благородным мужем средних лет, окруженного более чем десятком человек. На лице последнего читалось нетерпение:

— Согласен ты или нет, земля эта принадлежит моей семье Тан! Придется перебираться отсюда!

— Тан Шао, ты зашел слишком далеко! – старик задрожал от гнева. – Наш хозяин со своей женой были похоронены здесь несколько десятилетий назад, когда земля эта вам еще не принадлежала! Твой отец с нашим господином – братья! Как ты можешь раскапывать могилу своей же семьи Тан?!

— Да какая он нам семья? – выругался молодой человек, стоявший подле благородного мужа средних лет. – Не надо к нам в родственники набиваться! Ваш хозяин был рожден от наложницы, а наш – старший сын от законной жены! Не ставь их в один ряд! Мой дед разрешил вам похоронить их здесь, что уже делает вам большую честь. Теперь наша семья Тан хочет вернуть эту землю! Все по закону! Кто смеет сказать, что это не так?!

Старик был стар, не умел красиво говорить, да и не знал, что им возразить. После этих слов его оппонент потерял терпение и, махнув рукой, велел своим людям поднимать гроб.

Пан Ци и его люди, если бы Тан Фань их не остановил, разглядев надпись на надгробии и поняв, кто лежит в этой могиле, давным-давно выступили бы вперед и преподали этим людям хороший урок. Видя, что группа людей собирается действовать, все это время холодно наблюдавший за происходящим Тан Фань наконец произнес:

— Дядюшка Тан.

Те так увлеченно спорили, что даже если и заметили, что за ними кто-то наблюдает, то не обратили на них никакого внимания, решив, что это просто прохожие. Теперь же, услышав слова: “Дядюшка Тан”, – старик обернулся и посмотрел на Тан Фаня. Сначала он выглядел несколько озадаченным, однако затем лицо его приобрело удивленное выражение:

— Ты... Ты молодой господин?!

Тан Фань покинул дом и отправился путешествовать по миру, будучи еще совсем юным, а после сдачи императорского экзамена в родной город так ни разу и не вернулся. Он часто писал и отправлял дядюшке Тану посылки, но прошло уже больше десяти лет. Покидал город он еще совсем мальчишкой, а теперь стал высоким и величественным мужчиной. Дядюшка Тан узнал его не сразу, а лишь хорошенько присмотревшись.

Видя, что Тан Фань с улыбкой кивает ему в ответ, дядюшка Тан бросился к нему и, взяв за руку, взволнованно забормотал:

— Как хорошо, что ты вернулся! Как хорошо, что ты вернулся!

Тан Фань мягко высвободил руку и, сделав несколько шагов назад, склонился перед дядюшкой Таном в почтительном поклоне:

— Меня не было столько лет, а ты все это время ухаживал за могилами моих отца и матери. Дядюшка Тан, ты честный и благородный человек. Прошу, прими мою благодарность.

— Как я могу? Как я могу? – дядюшка Тан поспешил помочь ему подняться. – Молодой господин вершит великие дела, все эти годы он так много работал без устали. Это же мой долг! Я не заслуживаю такой благодарности!

— Я был беспечен, – извинился Тан Фань. – Дядюшка Тан уже так стар, но продолжает каждый год приходит сюда и ухаживать за могилами моих родителей!

Кроме дядюшки Тана, у Тан Фаня в родном городе никого не было. После того как стал чиновником, дабы не дать никому повода творить беззаконие, прикрываясь его именем, он редко сообщал домашним последние новости. На протяжении этих лет он часто писал дядюшке Тану и заботился о нем, но тот не знал, что Тан Фань стал первым министром и учителем принца в Восточном дворце, и думал, что Тан Фань по-прежнему мелкий чиновник без каких-либо амбиций и талантов.

— Если бы действительно вершил великие дела, вернулся бы в родной город раньше, а не спустя столько лет, – раздался смехок со стороны. – Тебе просто было стыдно возвращаться, потому что ничего не добился.

Тан Фань бросил взгляд туда, откуда доносились эти речи, однако, кроме благородного мужа средних лет, никого из компании не узнал.

— Молодой господин, говорящий – старший сын твоего дяди, Тан Жун, – пояснил дядюшка Тан. – А значит, твой двоюродный брат. Человек подле него – твой второй двоюродный брат Тан Шо.

Он говорил тихо, но те все равно его расслышали.

— Какой еще двоюродный брат?! – усмехнулся Тан Шо. – В нашей семье Тан нет таких родственничков! Тан Фань, с тех пор как твой отец покинул семью Тан, чтобы создать свою собственную, он больше не является членом нашей семьи! Не ожидал, что после смерти у него хватит наглости быть похороненным на землях семьи Тан. Мой дед был слишком добр и не стал с вами связываться, но теперь так просто не отделаешься! Если хочешь, чтобы твои родители и дальше лежали здесь, плати за каждый год или забирай гробы и убирайся!

Ни один мускул не дрогнул на лице Тан Фаня:

— И сколько стоит аренда?

— Сто таэлей в год!

Примечания переводчика:

От мыслей СЧ о том, что ТФ каждый день работает с утра до вечера и постоянно уставший возвращается домой, мне стало ужасно грустно... Не хотела бы я такой жизни ни себе, ни любимому персонажу.

А если еще вспомнить, что дома его ждет... Впрочем, не будем об этом. В этой цензурной экстремистской СЧ ведет себя очень мило, трепетно и заботливо по отношению к своему "самому близкому другу, с которым они были неразлучны день и ночь"))) А как приятно было читать описания прекрасного ТФ, на которого все заглядываются, без уточнений о ревностях СЧ и его хмуром взгляде. Совершенно другой человек! Вот теперь мне легко представляется на его месте дорамный пирожочек:3 Чел, просто не влюбляйся, рил. Твоя тема - броманс.

ТФ, как всегда, явился вовремя ;D До минуты! Родственнички у него, конеш, просто максимально токсичные и мерзкие, выбесили через экран! Мужики, главное, наложниц заводят, детей им заделывают, а потом виноватыми оказываются и расплачиваются несчастные дети и женщины. Ю-логика)))

Правильно ТФ не сообщал им о своем повышении - не узнал бы, какие они поганцы. Полюбасу бы прикрывались его именем и какую-нибудь хрень делали бы! Скоро им покажут ☐

Я сначала удивилась, почему Тан Фань не взял с собой сестру поклониться могилам родителей, но потом вспомнила, что в печатной версии арку про то, как он спасал племянника и Тан Юй убрали, а значит, вероятно (но я не уверена, потому что печатную версию не читала) сестры у ТФ в печатной версии вообще нет.

<http://tl.rulate.ru/book/50212/3714739>